

ДЕЛЕЖ

М. ГОРЬКИЙ

Печатаемое ниже произведение М. Горького не вошло в собрание сочинений великого писателя. Рассказ напечатан в газете «Самарская газета» в 1895 году.

От церкви на площадь падала большая и густая тень. Недавно перестал штиль обильный летний дождь, и между выбоинами с мостовой площади скопились маленькие лужицы воды. Тусклые там, где их покрывала тень от церкви, они отливали серебром вне границ тени, отражая в себе лучи луны, — полной, яркой и неподвижно стоявшей в мягком синем небе. Отошла всеобщая, и через площадь в разные стороны расходились темные фигуры людей. Они, осторожно обходя лужи, пропадали в улицах пяти узких каналов, выходящих на площадь. И вот на ней стало пусто, тихо и печально.

Тогда, в тени около перовой паперти, раздался слабый звук металла, упавшего на камни, и откуда-то выскочила маленькая фигурка. Она, странно подпрыгивая, побежала по мостовой и вдруг уменьшилась — не то наклонилась, не то упала на землю.

В то же время из одной улицы появилась крупная, немного согнутая фигура человека и, медленно шагая, направилась в сторону первой. Шла она, не разбирая дороги, и лужицы воды то в дело всплывали под ее ногами, разбрызгиваясь по сторонам. Вот они обе сошлись в одну массу, — вторая фигура скрыла собой первую, изогнувшись над ней.

— Ты чего шарить? — раздался хриплый, нагласный бас.

— Пятачок! — ответил звонкий детский алыт озабоченно и тревожно. —

Стал считать сколько всего, а он, ершик, вырвался из рук, да и покатился. Сколько вот ищут! — Ах ты!

— Верно знаешь — пятакоч? — осланхолично спросил бас.

— Ну, еще бы! Она всегда пятакоч дает... Это вот ее и был.

— Кто — она?

— Она-то? Барыня такая!..

— И всегда пятакоч? — вздохнул большой.

— Всегда, — кратко и озабоченно кивнул мальчик. И все так же плотно слепые в густое темное пятно они оба замолкли, тщательно шаря по земле.

— Не найти! Вода. Грязь. А монета крупная. Жаль! — проговорил бас, вздохнул и выпрямился.

— А наплевать-и! — вдруг решил маленький и тоже встал во весь рост. Он был горбат, а его собеседник высок, тонок и странно сжат. Казалось, что его сильно ударили сверху по голове, и она у него глубоко вошла в плечи.

— Наплевать? — задумчиво переспросил он, — ишь ты! Много, значит, собирает?

— Ежели без пятачка — двадцать две! — самодовольно ответил горбун.

— Хорошо дают, значит? А вот мне — не везет! Ступай, говорят, работай. В трудолюбивый дом. Вроде как бы в тюрьму. Хе! Разве я могу... со всякой ованью? Ты мал вот... ничего не понимаешь.

Он заговорил обиденным тоном, а кончил уже с раздражением. Оба они стояли неподвижно друг против друга.

— Это меня споили в дом-то. — озабоченно зароботал горбатый мальчик. — Привел бутюшник... а там этакой дяденька в очках. Бутюшник говорит: «Вот, говорит, гаще б-дие, — поймал! Получите!» Тот меня сейчас же мочало шинать засадил. Жарко. Беда! В глаза, в нос пыль летит. Уж я чихал, чихал! Ах ты! — И мальчик засмеялся, вспоминая как он чихал.

Ну? — с интересом спросил большой.

— Ничего. Убег на другой день.

— Убег?

— Убег...

— Ага! Вот видишь ты, — с большим торжеством в тоне заявил большой, но не пояснил, что именно нужно было тут видеть. Где-то в одной из улиц раздались дребезжащие звуки трещотки ночного сторожа. Вслед за ними раздался удар в колокол. Печальный медный звук волнующь поплыл в воздухе, медленно угасая и точно жалаясь на что-то.

— Идти уж! — сказал мальчик и двинулся вперед.

— Ты куда? Бвартира — мать-отец есть, али так где? — спросил его собеседник, крупно шагая рядом с ним.

— Я-то? Так. Мать померла в холеру. Я тут в тетки.

— Родная?

— Тетка-то? Нету. Где уж ей? Так, злая пьяница... — ответил мальчик, очевидно, имевший высокое мнение о родных.

— Бьет?

— Еще бы! Вот как дует... Чем по-падаю...

— Это уж всегда так, — утешил его спутник. Они вошли в узкую улицу и медленно шагали вдоль ее, держась в тени зданий... Кругом было пустынно и темно. Где-то грохоткий дребезг пролетки нахально врывается в печальную тишину ночи...

— А отец?

— Отца-то не было, — равнодушно ответил мальчик.

— А! Бывает и это. Часто бывает. У нас тоже вот горничная родила сына, а отца нет! Почему такое? Где? То-то! — юмористически печально рассказал старший из спутников.

Мальчик тихо рассмеялся и, помогчав, задумчиво проговорил:

— В нашей улице много ребят, которые без отцов родились. Это вот потому все, что уж больно свободно матери-то их гуляли, — тоном взрослого и не без цинизма кончил он.

— Верно! А ты из какой улицы?

— Я? Из Полевой. А ты?

— А я с той, на которой лучше. У меня, брат, нет квартиры-то. Была она... да вчера выгнали вот...

— А ты кто? — тихо спросил мальчик, поднимая голову и заглядывая в лицо своему спутнику.

— Я, брат, лакей был... Ха-ароший лакей! Больные жалованья получал. Ну... силятся. От хорошей жизни спидся. Где бы держаться мне за фарт и руками и зубами, — я зачертил во-всю. Потому — скучно жить... И больше ничего, Я и давай пить. Попил — и пропал. Злорово попил! Учись вот...

Мальчик молчал, должно быть думая, чему можно учиться в этом рассказе. И его спутник тоже молчал.

Так прошли сажен десять...

— Мальчик! — вдруг тихо и просительно начал бывший лакей и почему-то оборвался.

— А? — и мальчик, шагавший задумчиво и неторопливо, приподнял голову.

— Вот что, мальчик... Дал бы ты мне немного милостыни-то? А?

— Ишь ты! — сказал мальчик, сухо усмехаясь. Потом он оттолкнулся в сторону от спутника и, весь с'ожившись, встал у тумбочки, облокотясь на нее и с усмешкой недоверчивого ожидания глядел на своего собеседника. Тот — тоже остановился и зачем-то поправил ованый картуз на своей голове, не переставая говорить:

— Ты рассуди, милый... Отдашь ты деньги своей скаредной тетьке. Ну, что ей? прощай ведь. А избить тебя — избьет, так ты лучше сам первый сделай ей на зло. А я бы поесть купил чего...

И выпил бы тоже, за три копейки, например. Давно я не пил. Ни капельки не пил, брат! — с дрожью в голосе закончил он. Мальчик вдруг пошел прочь от него через дорогу на другую сторону улицы.

Когда он, колыхаясь на изогнутых рахи-

том ногах и выпятив вперед свой острый горб, вошел в полосу света от фонаря, — на мостовую легла черная уродливая тень, легла и исчезла, точно влажная земля растворилась и впиталась в себя. У падали он встал и оглянулся на лакея, смотревшего ему вслед, вытянув шею...

— Не дашь? — раздалось на улице безнадежно-укоряюще и робко. Раздалось и замерло среди тяжелых аланий, холодно смотревших друг на друга светлыми пятнами окон, похожими по своему тусклому блеску на глаза слепцов.

Лакей перешитительно тоже стал переходить улицу...

— Изобьет уж больно, коли мало-то принесешь... — задумчиво произнес маленький горбун навстречу ему.

— Да ты немного! — чуть не шепотом говорил лакей. — Дай пятак, и будет с меня! За той вынес, а на два хлеба с'ем...? Горбун похвастал фрку в своему лицу и стал пристально смотреть в них. И тоже что-то шептал. Послышался звон медных монет.

— Пятак... три... восемь... семидесятик. Давай пополам! Чорт с ней. Пусть ее лопнет со зла. Вдует, так вдует... Айда! На-ка! Одиннадцать все? — с удовольствием сказал он, протягивая фрку.

— Ах ты! Вот мне... и прайник! Спасибо, брат! Вот так — ты! Н-ну! — Как я теперь хвачу за пятак? Ах, ты, пыленок! — радостно и смущенно забормотал лакей...

И вдруг он странно изогнулся и сорвался с места так быстро, как будто его больно ударили по животу... Горбун отшатнулся в сторону от него. Но он уже исчез, приближаясь на-ходу. Мальчик посмотрел ему вслед и молча пошел по улице в сторону, противоположную той, где исчез лакей.

Скоро и сам он исчез во тьме улицы.

А на улице было пустынно и темно, и все так же равнодушно и холодно большие, белые дома смотрели друг на друга своими слепыми стеклянными глазами...

И все кругом было тихо и печально.